

«Комсомольская правда» 1977, 2 дек. - № 281

В ТЕХ МГНОВЕНИЯХ — ЖИЗНЬ

Диалог с писателем Юрием Бондаревым

«МГНОВЕНИЯ» — новая книга Юрия Бондарева*. Она вышла совсем недавно, как раз в те дни, когда теперь уже знаменитый роман «Берег» был отмечен Государственной премией СССР.

В «Мгновениях» — новая глубина постижения жизни. Вот так достойно закрепляет художник радость успеха. Так утверждается логика неустанного, повседневного напряжения.

Это менее чем за десять лет пришли к читателям романы «Горячий снег» и «Берег», проделан огромный труд сценариста в киноэпопее «Освобождение». А еще — рассказы, литературные статьи... Наверное, такое под силу лишь талантливому, помноженному на тысячи творческих мгновений.

Новое произведение невелико по объему, но, думаю, содержанием не уступит пухлым томам. Краткие рассказы об ожиданиях и утратах, о разочарованиях и надеждах, исповедь-откровение, размышления о судьбе Родины, народа, земли, мира. Философия, публицистика, проблемы гуманизма и бытия искусства. В книге много света и зелени, обновленной будущим валом летних ливней, радости и добра — земной берег истинной человечности и правды открыт взору писателя. Но здесь страницы и о горе, о слезах, о трагическом напряжении, что никогда не покидает солдата, что осталось от дней войны, — дымится и вспыхивает издали так же опасно и тревожно, как и тогда, в дни фронтовой юности, не рассеиваясь в памяти, никогда не освобождая душевного опыта художника.

Это книга, призванная уточнить и «отснять» достоверным словом жизненный путь писателя, дополнить убедительными штрихами его многообразный союз с жизнью, она — о месте художника в конфликтах

времени. О полноте жизни, нелегко, но упорно идущей к гармонии и совершенству.

Делюсь с писателем впечатлениями о только что прочитанном, и завязывается беседа.

— Юрий Васильевич, читатель Вашей новой книги сразу же замечает, что «Мгновения» — это не строки из записной книжки, сделанные на ходу, наспех, а книга, цельная книга — художественное произведение. Как Вы пришли к этому замыслу, к такой вот форме выражения, мгновенно схватывающей и душевный порыв, и глубинную мысль, и картину, образ?

— Не совсем удобно говорить о своих книгах, ибо рискуешь предстать чересчур самолюбиво-самонадеянным, то есть подверженным этому распространенному неврозу XX века. Да, «Мгновения» — не дневниковые записи, не странички из записной книжки (хотя часть их и печаталась под таким названием), не зарисовки к будущей книге, не «конспекты романов» (как сказал мне один критик), а совершенно самостоятельные вещи.

Надо ли повторять с банальной настойчивостью, что по сравнению с временем Вселенной век человеческий — мгновение. Однако только потрясенно осознав это, человек начинает ценить дни своего существования, задумываться над горькими противоречиями истории, над смыслом бытия, или принимая жизнь, как случайный, бесполезный подарок, или мучительно ища в ней высокий смысл.

Я стараюсь помнить, что литература — это великое переселение из мира внешнего в мир внутренний, что ей дано проводить всеобщую ревизию совести, порицать мировой порок безразличия друг к другу, жестокость, алчность, варварское соперничество с самой природой, которое ведет к гибели природы и

человека не только физически, но и через сознание собственной вины, неискупленной и неискупаемой.

Всякая книга начинается гораздо раньше, чем написана первая строка. Много лет назад мне пришла мысль написать не повесть, не роман, не хронику, а книгу — мозаику человеческой жизни, в которой пойманные мгновения правды предельно обобщали, обостряли бы ощущение людей, заставляя их задумываться о самих себе. Мне казалось, что это можно сделать, призвав в сообщники безжалостную краткость, настроение, четкость сюжета, а главное — слитое двоевластие мысли и чувства, господствующих на очень маленькой территории двух-трех страниц.

Не скрою, мне хотелось достичь ясной простоты в сложности, избежать всего лишнего, бокового, оторточнообразного, вместе с тем в сложности чувств найти кратчайшее состояние между точкой начальной и точкой конечной.

Работа над «Мгновениями» трудоемка. В романе ритм фразы — вещь необходимая, в коротком рассказе ритм фразы — это мотив настроения или действующее лицо сюжета, настолько это важно.

— Вы включили в книгу несколько рассказов, опубликованных раньше...

— Ранее опубликованные рассказы включил в книгу потому, что они нечего добавляют к замыслу.

— У новой Вашей книги началась уже своя самостоятельная жизнь. А какова судьба ее в Вашем творчестве? Вы намерены работать и далее в малом жанре или это своеобразные, крепкие ступени к какому-то большому произведению?

— Опубликованные сейчас «Мгновения» — не вся книга, а лишь часть ее. После «Берега» я думал писать корот-

кие рассказы несколько лет. Замысел нового романа отодвинул эту работу, однако о мозаике человеческой жизни я не перестаю думать и, конечно, опять вернусь к «Мгновениям», закончив роман.

После того как «Мгновения» стали печататься в журналах, несколько моих друзей упрекнули меня в «излишней щедлости», в том, что я расплываюсь в коротких новеллах, между тем как все они могли бы войти в роман составными частями.

Но, очевидно, дело здесь не в моей безудержной расточительности и неэкономности, а в различии жанров и форм. Каждая новелла для меня абсолютно самостоятельна и несет в себе свою цель и свою задачу. Хочу, чтобы поняли меня правильно и не осудили за преувеличение: иная новелла жила в моем сознании как целый роман.

— Юрий Васильевич, и в «Мгновениях» Вы снова и снова проходите тропами своей юности. Возможно ли какое-то завершение этой темы, этой судьбы?

— Задумывались ли Вы над тем, почему почти все великие персонажи мировой литературы молоды? Одиссей, Жюльен Сорель, Люсьен де Рюампре, Родион Раскольников, Оленин, князь Волконский, Арсеньев, Григорий Мелехов... Юность и молодость — счастливейшая пора жизни, время ожидания и надежд, время любви, познания радости и первой скорби, время утреннего весеннего солнца, запаха акаций и горечи первой неудачи, время, которое не имеет права отвергать истинную извечную красоту, воздавать хвалу безобразию и ненавидеть жизнь. Молодость — пора особой искренности, безоговорочное отрицание фальши и вера в бесконечность правды.

В эту пору я буду возвращаться в своих книгах, потому что иначе невозможно многое понять в быстром те-

чении человеческого бытия.

— Ваша новая книга приоткрывает и рабочий день в творческой мастерской художника: мучительное состояние поиска, радость озарений, открытый, приближений к смыслу жизни и горечь потери навсегда ушедших впечатлений... Не могли бы Вы и сегодня поразмышлять (может, на примере «Мгновений») о тайне рождения художественного произведения?

— Если говорить о возникновении «Мгновений», то некоторые из них шли от мысли, другие — от чувства, иные — от какой-либо одной мимолетной фразы, услышанной случайно. Так или иначе все было очерпнуто из реальности, из запасов душевного опыта. Убежден, что в двадцать пять — тридцать лет я не взял бы за эту форму, ибо она напоминает мост, переброшенный из прошлого в настоящее, из настоящего в прошлое, мост, построенный самим временем, как бы завершенное преодоление пространства, мост, с которого можно спокойно взглянуть в течение реки. Опять же я говорю, разумеется, о накопленном душевном опыте, о работе над словом, о долготерпении, о непрерывной, неустанной работе, работе...

— Мастер всегда думает о продолжении дела, о молодых силах...

— Даже гений покажется жалким себялюбцем, если станет утверждать апокалипсис литературы после своего заката. Какими бы яркими созвездиями ни блистал небосвод литературы — по законам движения и обновления следом восходят еще неизвестные созвездия и вдруг начинают светить молодо, ослепительно, утверждая бесконечность искусства.

ПОСЛЕ беседы с писателем подумал вот о чем. Искусство движется к новым горизонтам содержания, обновляя и форму. Неповтори-

мость — внутреннее, неизменное качество большой творческой индивидуальности. Неповторимость и в крови каждого произведения, если оно действительно художественно. Активная творческая позиция и есть неутомимый поиск наибольшей выразительности, объемного, значимого содержания, точных эмоциональных созвучий с ведущими проблемами жизни, общества.

Не скрою, так и подмывает пойти за внешними, поспешными сравнениями-оценками: прикидывать в уме, лучше или хуже, масштабнее или немасштабнее «Мгновений» из того, что написал Юрий Бондарев до этой книги. Но понимаешь: у подобных оценок жизнь короткая, как у пожелтевших листьев. Важнее другое. Талант художника не знает застывшего состояния, и в новой работе Ю. Бондарева открывается глубоко сокровенная, ранее незримая грань его дарования. Писатель ищет все более гесные, личные контакты с читателем и пластикой образной речи стремится открыть «тайное тайных», вопричины человеческого характера, чувств, поступков.

Нет смысла перечислять сюжеты новой книги. Их такое множество, что всякий пересказ лишь упрощит дело, а для тщательного анализа все-таки нужна дистанция.

А сейчас откроем одну из страниц книги.

«Нет, только теперь я понимаю, что путь воистину счастливого человека от рождения до последнего растворения в вечности и есть тормозящая неизбежную мглу небытия радость ежедневного существования в окружающем мире, и я поздно осознаю: какая же бессмысленность торопить и вычеркивать ожиданием цели дни, то есть неповторимость мгновений жизни, данной нам единый раз как драгоценный подарок».

Как же это верно!

И. ЖУКОВ.

* Юрий Бондарев. Мгновения. М., «Молодая гвардия», 1977.